

П.С.Каневский
К ВОПРОСУ О МНОГОГРАННОСТИ
И ПРАКТИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ
ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Павел Сергеевич Каневский — кандидат политических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. Для связи с автором: kanevskiy@socio.msu.ru.

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать основные тенденции в развитии понятия и научного направления публичной политики. Несмотря на то что на протяжении более полутора десятилетий это понятие и направление активно внедряются в российский научный оборот и систему образования, дискуссия о предметном поле и практической значимости публичной политики далека от завершения. Россия не гомогенна в своих поисках базовых смыслов публичной политики, в зарубежных научных школах тоже существуют разные трактовки данного понятия, которые отличаются друг от друга не только с теоретико-методологической, но и с политико-идеологической точек зрения.

По мнению автора, для того чтобы понять многогранность и практический смысл публичной политики, следует учитывать тот социально-политический контекст, в котором это направление родилось и развивалось. Будучи изначально продуктом социально-политических и ценностных изменений второй половины XX в., концептуальная рамка публичной политики помогла исследователям, политикам, бюрократам и гражданам по-иному взглянуть на то, каким образом можно выстраивать коммуникацию между государством и обществом, как сделать процесс принятия решений более проблемно ориентированным и приближенным к реальной жизни людей. Вместе с тем автор указывает на отсутствие единого ответа на порожденные публичной политикой вопросы, выделяя две основные традиции в ее осмыслении, первая из которых ставит на первое место государство и государственное управление, тогда как вторая делает упор на роль гражданского общества.

Россия находится сегодня в процессе выработки собственных смыслов публичной политики, которые бы адекватно отражали потребности государства и общества, способствовали выстраиванию эффективной коммуникации между ними в целях повышения качества принимаемых решений. Настоящую статью следует рассматривать как продолжение соответствующей дискуссии, крайне важной для российского научного сообщества как в теоретическом, так и в практическом плане.

Ключевые слова: публичная политика, публичная сфера, государственное управление, гражданское общество, политическая коммуникация

Постановка проблемы

В последние два десятилетия тематика публичной политики стремительно набирает популярность в российской науке и системе образования. Университеты один за другим открывают учебные программы по публичной политике, у абитуриентов и студентов растет интерес к данному направлению. Термин «публичная политика» активно внедряется как в науку, так и в российскую политико-правовую систему. Благодаря поправкам к Конституции РФ в 2020 г. появилось понятие публичной власти, объединяющее власть государственную и муниципальную.

Вместе с тем научная дискуссия по поводу содержания понятия «публичная политика», его предметного поля и истории развития еще продолжается. Следует отдать должное российским авторам, которые за последние годы значительно продвинулись в осмыслении публичной политики, попытались адаптировать соответствующий термин к российским реалиям. Речь идет прежде всего о Юрии Красине, Нине Беляевой, Инне Мирошниченко, Александре Сунгурове, Ларисе Никовской, Владимире Якимце, Александре Соловьеве и ряде других ученых¹. Свои коллективы, изучающие публичную политику, сложились в МГУ, СПбГУ, НИУ ВШЭ, Кубанском университете, РАНХиГС. В 2004—2015 гг. Российская ассоциация политической науки и Петербургский филиал НИУ ВШЭ издавали ежегодный альманах «Публичная политика», с 2017 г. выходит журнал под тем же названием. Прочие научные издания тоже стараются уделять внимание данному направлению — например, в 2022 г. журнал «Политическая наука» выпустил тематический номер, полностью посвященный публичной политике. Был организован ряд конференций, круглых столов и научных семинаров по этой тематике. Вышло несколько крупных коллективных монографий² и учебников³ по публичной политике.

Однако, оглядываясь назад, приходится констатировать, что упомянутой дискуссии не хватает целостности, так как ее участники отталкиваются порой от очень разных посылок в своих рассуждениях о публичной политике, используют различающиеся по смыслу категории и понятия. Одни рассматривают публичную политику через переосмысление базовых функций и анализ эффективности государственного и муниципального управления⁴, другие выдвигают на первый план гражданское общество и некоммерческий сектор⁵, третьи отводят роль ключевых субъектов публичной политики экспертному и академическому сообществу⁶, наконец, существует отдельное направление исследования лоббистских отношений через призму корпоративной публичной политики⁷. Сверх того, происходит довольно хаотичная апроприация зарубежного опыта в изучении публичной политики, что зачастую не облегчает, а, напротив, усложняет понимание данного феномена в России.

¹ См. Красин (ред.) 2005; Беляева 2007; Мирошниченко 2014; Сунгуров 2017; Никовская и Якимец 2019; Соловьев 2021.

² Данилов, Гуров и Жидков (ред.) 2008; Сунгуров (ред.) 2008; Гаман-Голутвина (ред.) 2008; Сморгунов (ред.) 2015, 2018.

³ Сморгунов (ред.) 2013; Радиков (ред.) 2022.

⁴ Никовская и Якимец 2019; Брянцев и Евстифеев 2020; Сморгунов 2022.

⁵ Мерсиянова и Иванова 2018.

⁶ Беляева (ред.) 2012; Бабинцев, Надуткина и Сапрыка 2014.

⁷ Сморгунов 2016; Устинович и Сергеев 2019.

⁸ *Мирошниченко*
2014: 354.

Сложности, с которыми сталкивается российское научное сообщество, вполне объяснимы. Публичная политика — междисциплинарное направление с чрезвычайно широкой предметной областью. Как справедливо замечает Мирошниченко, «на сегодняшний день публичная политика представляет собой зонтичную концепцию, кроющую под собой многие измерения политического»⁸. Не случайно споры относительно предмета, цели и основных категорий публичной политики идут во всем мире. Это, впрочем, не может служить индульгенцией для размывания предмета публичной политики, поскольку в какой-то момент соответствующее понятие элементарно начинает терять концептуальную стройность, превращаясь в научное «чудовище Франкенштейна», что в итоге затрудняет его изучение и практическое применение.

Попробуем вкратце охарактеризовать основные проблемы, которые возникают в ходе научной дискуссии о публичной политике в России.

Прежде всего, у данного направления нет единого теоретического фундамента и единой концептуальной точки отсчета. А потому неизбежно встает вопрос: можем ли мы в принципе говорить о единой науке о публичной политике? В мире существуют разные традиции изучения публичной политики, получившие развитие в последней трети XX в. Публичная политика — это проблемно ориентированная наука, она нацелена одновременно на выявление и анализ конкретных общественных проблем, согласование общественных интересов и повышение эффективности политико-государственного управления. Однако выбор стратегий и субъектов решения проблем, способы согласования интересов и управленческие приоритеты варьируют в зависимости от фокуса публичной политики.

Одни исследователи ставят на первое место государство как базовый институт публичной власти и, следовательно, рассматривают публичную политику скорее в разрезе государственного управления. Другие же делают акцент на роли публичной сферы и гражданского общества. Между этими подходами имеется множество пересечений, они не исключают друг друга. Но причина подобных концептуальных различий требует прояснения. Как будет показано ниже, они носят не только теоретический, но и идеологический характер.

Вторая проблема напрямую связана с первой и касается соотношения публичной политики с прочими политическими науками и смежными понятиями. Как соотносятся между собой публичная политика, политология, политическая социология, государственное управление, теория рационального выбора, институционализм и неинституционализм, сетевые теории? Многие исследователи считают, что публичная политика включает в себя элементы разных научно-исследовательских областей, являясь по своей природе интегративным направлением. Но конкретные ингредиенты и пропорции их смешивания различаются. Например, Сунгуров предлагает рассматривать публичную политику как научное направление, расположенное между традиционной по-

⁹ Сунгуров 2022:
87.

литической наукой, государственным и муниципальным управлением и граничащее с социологией и политической философией⁹.

Хотя публичная политика, несомненно, вбирает отдельные категории и методы различных научных областей, не до конца раскрытым остается вопрос: каким именно образом, а главное, для чего мы смешиваем эти науки и что нам может дать в итоге новый гибрид? Ситуацию усугубляют сложности перевода, так как в русском языке нет традиции разделения политики на *politics* и *policy*, а потому понятие публичной политики (как *public policy*) в российском контексте порой приобретает искаженные черты. Ведь в случае *policy* речь идет не о политике как борьбе за власть, а о политике как программе действий, нацеленной на решение конкретных задач.

Наконец, третья проблема сопряжена с практической значимостью публичной политики. В странах Запада развитие публичной политики как академической дисциплины стало следствием параллельного запроса государства и гражданского общества на открытость и большую инклюзивность политического процесса. В России как сложноустроенном государстве ряд вопросов, которые поднимаются в рамках этой дисциплины, тоже имеют значение как для органов власти, так и для граждан. Однако особенности механизма власти, специфика подготовки и принятия решений, политическая культура вносят свои коррективы в базовые смыслы публичной политики. В конечном счете и для общества, и для государства публичная политика зачастую предстает обернутым в красивые слова фантомом, за которым трудно разглядеть практический смысл.

Думается, что сегодня назрела потребность в более целостной дискуссии по поводу содержания и целей публичной политики в России. В такой дискуссии заинтересовано не только академическое сообщество, но и государство, которое нуждается в более четком понимании того, в чем заключается ценность данного направления, кем при выпуске из вуза должен быть эксперт в области публичной политики, как правильно интегрировать общественные запросы и интересы в процесс принятия решений, как выстраивать приоритеты при планировании государственной политики. Настоящая статья не претендует на то, чтобы дать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы, ее следует рассматривать скорее как продолжение разговора о путях развития, базовых определениях и практической значимости публичной политики.

Два понимания публичной политики

Очень часто у нас возникает соблазн говорить о развитии тех или иных научных областей как бы с чистого листа, не вдаваясь в историю и причины их возникновения. В особенности это касается социальных и политических наук, которые, в отличие от наук естественных, не всегда связаны с объективными законами, а складываются в результате сложных социальных, экономических, политических и ценностно-идеологических процессов. В российских условиях это усугубляется тем, что

мы порой ориентируемся на западные разработки, которые связаны с вполне конкретными траекториями институциональной, культурной и научной эволюции соответствующих стран. Насколько и каким образом они применимы в России, должно быть предметом широкого обсуждения, и здесь важно избежать крайностей как «слепой веры» в западные концепции и теории, так и полного отказа от них. Нам нужно вычлениить то, что имеет значение для российского государства и общества и способно внести позитивный вклад в их развитие.

Будучи многогранной и междисциплинарной областью исследований, публичная политика возникла в конкретную эпоху и в конкретных политических системах как ответ государства и научного сообщества на глубинные процессы, происходившие в социуме. Основной этап институционализации публичной политики в академическом пространстве стран Запада приходится на 1960—1970-е годы. Всплеск гражданской политической активности по всему миру привел к тому, что многие традиционные политические дисциплины и теории оказались неспособны объяснить новую социально-политическую реальность, а главное, дать ответ, как должно реагировать на нее государство.

Социальные и протестные движения 1960—1970-х годов, пробуждение гражданского общества, радикализация политики, публичные политические скандалы вкупе с быстрым развитием СМИ поставили перед политиками абсолютно новые проблемы. Как взаимодействовать с гражданами, превращающимися из пассивных избирателей в активных участников политического процесса? Как поддерживать политическую легитимность в новых условиях? Как сделать политический процесс более эффективным и отвечающим реальным социальным, политическим и экономическим запросам общества?

Традиционная политическая наука оказалась мало приспособлена к решению этих проблем. В ситуации нарастания массовой политической активности требовалось переосмысление роли государства *per se*. По справедливому замечанию Эндрю Хейвуда, развитие публичной политики как академической дисциплины связано с попыткой перевести исследовательский фокус с вопроса о том, что из себя представляет государство и что оно делает, на вопрос: для чего нужно государство и что оно должно делать, чтобы политика была более эффективной и подотчетной обществу?¹⁰

¹⁰ Heywood 1997: 393.

Таким образом, публичная политика представляла собой нормативное и проблемно ориентированное направление, которое должно было концентрироваться не только на роли институтов и политическом поведении, но также на анализе проблемных полей общества, его конкретных запросов и потребностей. Все это было нужно для повышения эффективности государственного управления, выстраивания более грамотной экономической и социальной политики, усиления прозрачности политического процесса.

Традиционный взгляд на политику с его упором на политические партии как основные агрегаторы общественных интересов и государ-

ственную бюрократию как исполнителя политических решений претерпевал коренные изменения. Чтобы оперативно и эффективно согласовывать интересы и принимать решения, необходим был постоянный прямой контакт между государством, гражданским обществом и все более активным бизнес-сообществом. Это предполагало разрушение монополии партий на агрегирование интересов и одновременно меняло роль бюрократии, которая из исполнителя решений превращалась в важнейший элемент диалога между обществом и государством.

Главные вопросы заключались в том, кто должен брать на себя основную роль в донесении различных социальных интересов и проблем до центров принятия решений, как правильно выстраивать коммуникацию между обществом и государством, что нужно поменять в государстве и процессе принятия решений, чтобы привести их в соответствие с новыми задачами. Единого ответа на эти вопросы не существовало. Как минимум потому, что в разных теоретических и идеологических исследовательских традициях публичная политика понималась по-разному.

Одна традиция, которая исторически в большей степени была свойственна американской политической мысли, связывает публичную политику с процессом государственного управления. Однако, в отличие от классического взгляда на государственное управление (*public administration*) образца первой половины XX в., который концентрировался преимущественно на организации и эффективности государственного аппарата, публичная политика (*public policy*) предполагала более проблемно ориентированный подход. По словам Барбары Нельсон, публичная политика прежде всего подразумевает применение экспертных знаний для решений социальных проблем и умение осуществлять конкретные действия, чтобы формировать политику, позволяющую решать эти проблемы¹¹. Иначе говоря, эффективное государственное управление — это не только хорошо организованное управление, но и то, что направлено на решение проблем, стоящих перед обществом и государством.

¹¹ Nelson 1998: 557—558.

Другим важным аспектом развития публичной политики в США было изменение роли граждан при принятии политических решений. В классическом определении Пола Эпплби государственное управление (*public administration*) понималось как «управление общественными делами политическими лидерами, ответственными за принятие решений»¹². Это был взгляд на государственное управление, который ставил на первое место профессиональных управленцев, принимавших решения в общих интересах граждан, но трактовавших эти общие интересы исходя из собственного видения того, что лучше для граждан и для государства.

¹² Appleby 1947: 95.

В определенном смысле это было продолжением аристократической трактовки политики, в соответствии с которой представители элиты лучше знают, что на самом деле ждет от них общество и как правильно принимать решения. Демократия здесь сводилась к наделению политиков посредством выборов мандатом на реализацию той или иной

¹³ Именно так рассуждал Йозеф Шумпетер, согласно которому «демократия значит лишь то, что у народа есть возможность принять или не принять тех людей, которые должны им управлять» (Шумпетер 1995: 372). При таком угле зрения демократия есть не более чем гарантия сменяемости власти, отнюдь не гарантирующая прямого участия граждан в политических делах.

¹⁴ Подробнее см. Каневский 2017.

¹⁵ Fukuyama 2013.

программы действий, на чем их взаимодействие с обществом по сути заканчивалось¹³. Такая интерпретация общественного договора долгое время устраивала и элиту, и общество. Она жестко ограничивала вмешательство граждан в политику, а основной канал коммуникации между обществом и государством был фактически монополизирован политическими партиями, которые говорили и действовали от имени больших социальных групп.

Следствием активизации гражданского общества, постепенного падения роли партий, снижения базовых показателей политической легитимности и ряда других изменений, пришедшихся на 1960—1970-е годы, стал пересмотр социального контракта в сторону большей включенности граждан в управление. Это было частью демократизации американского политического процесса, который с 1970-х годов двигался к большей открытости и подотчетности перед гражданами.

Данная тенденция хорошо прослеживается на примере американской партийной системы. Тектонические сдвиги в американском обществе в 1960—1970-е годы привели к тому, что партии взяли курс на повышение своей открытости перед обществом. Это проявилось, в частности, в переносе центра тяжести при отборе кандидатов на прямые первичные выборы (праймериз). Тем самым партии показывали, что они отходят от старых элитарных принципов, где все ключевые решения принимали боссы, лидеры профсоюзов и партийные нотабли, и готовы прислушиваться к простым гражданам. Ныне подобная процедура стала нормой. Вопрос о том, как это сказалось на качестве американской политики, особенно остро стоит сегодня, когда кандидаты стремятся создать свои группы поддержки, порой довольно слабо отражающие позиции более широких групп граждан¹⁴.

Заявляя о большей открытости и учете интересов граждан, государство рассматривало это как необходимый шаг навстречу обществу, призванный снизить социальную напряженность. Но за этим отнюдь не стояла готовность действительно отказаться от элитарных принципов. В США аристократические и олигархические тенденции в политике никуда не исчезли, и открытость перед обществом «на бумаге» вовсе не означает, что среднестатистический американский гражданин усилил свою роль в политическом процессе.

Если бóльшая открытость государства в реальности и привела к чему-то, так это к усилению роли частных интересов в виде организованных групп давления. Хотя подобные группы являются ординарными субъектами публичной политики, их влияние способно достигать такого уровня, что влечет за собой дисбаланс в системе принятия решений. Как отмечает Фрэнсис Фукуяма, «увеличение количества групп интересов и лоббистов исказило демократический процесс в США и уменьшило эффективность государственной власти»¹⁵. Вокруг решений и блоков решений в Вашингтоне сегодня выстраиваются сложные по своей структуре коалиции, которые далеко не всегда отражают интересы широких слоев населения.

Это заставляет задуматься о том, каким образом открытость публичной политики может приводить к нарушению баланса между различными субъектами, претендующими на право влиять на принятие решений и участвовать в этом процессе. Публичная политика, по крайней мере в том смысле, который изначально вкладывался в данный концепт, должна быть направлена на повышение качества государственного управления через эффективное взаимодействие между государством и обществом. Однако вопрос в том, кто именно становится участником этого взаимодействия и каковы риски того, что за фасадом открытости и инклюзивности преимущества будут получать те, кто имеет больше ресурсов и связей с центрами принятия решений.

Эти размышления подводят нас ко второй традиции в понимании публичной политики, которая в большей степени присуща западноевропейским исследователям второй половины XX в. В трудах таких ученых, как Юрген Хабермас, Ханна Арендт, Карл Шмитт, на первое место выходит интерпретация публичной сферы как пространства диалога между обществом и государством. В рамках этой традиции акцент делается на роли гражданского общества в поддержании двусторонней коммуникации между центрами принятия решений и гражданами.

Именно в таком ракурсе рассматривает публичную сферу Хабермас, который связывает понятие публичности с феноменом коммуникативного действия. Вовлечение граждан в процесс принятия решений происходит посредством выработки ими собственной позиции, которая может быть как ответом на действия государства, так и самостоятельно выработанными предложениями, направленными на улучшение тех или иных областей общественной жизни. Для Хабермаса идеальная модель взаимодействия общества и государства построена на идее коммуникативной рациональности. Будучи ядром публичной сферы, гражданское общество есть рационально организованное пространство, включающее в себя ассоциации, движения, организации, которые резонируют с тем, что происходит в частной сфере и посылают обработанные сигналы и предложения в сферу публичную¹⁶. Тем самым Хабермас демонстрирует тесную взаимосвязь между частным и публичным, показывая, что коммуникативная структура публичной сферы сохраняется исключительно благодаря активному гражданскому обществу¹⁷.

Публичная сфера, таким образом, предстает в качестве особой области социально-политической жизни, где постоянный диалог между гражданами и государством способствует выработке более солидарной и инклюзивной политики. В отличие от американской школы, здесь подчеркивается коммуникативный аспект, культура диалога и роль общественного мнения как ключевого инструмента контроля общества над государством. Как отмечает Анна Трахтенберг, «публичная сфера представляет собой пространство рациональной дискуссии, основанной на принципах открытости и равенства сторон... Именно в публичной сфере в процессе свободной от внешнего контроля дискуссии и об-

¹⁶ *Habermas 1996.*

¹⁷ *Ibid.: 369.*

мена информацией вырабатывается то, что можно назвать общественным мнением»¹⁸.

¹⁸ Трахтенберг
2006: 225.

В модели публичной сферы Хабермаса на первое место выходит просвещенная публика, интеллектуальная и вместе с тем политически активная элита общества. Поэтому общественное мнение здесь не просто совокупность мнений всех граждан, это мнение прежде всего активной его части, которая способна рефлексировать и выстраивать диалог с государством во имя достижения общественно значимых целей.

Несмотря на ряд сходных элементов, упомянутые традиции осмысления публичной политики имеют разные политические и идеологические основания. Американская традиция изначально фокусировалась на роли партий и государственного аппарата в выработке эффективной политики. Начиная с ранних работ Гарольда Лассуэлла¹⁹, посвященных политико-управленческому анализу (*policy analysis*), американские исследователи были ориентированы на поиск такой государственной модели, в рамках которой эффективность принимаемых и реализуемых решений была бы напрямую связана с тем, насколько хорошо государство понимает суть общественных запросов и проблем. Постепенная эволюция взглядов на эффективность управления вела ко все большему включению общественных интересов и мнений в процесс принятия решений, и граждане из наблюдателей, которые активизируются преимущественно в периоды выборов, превращались в субъектов политического процесса.

¹⁹ Lerner and
Lasswell 1951.

В таком ракурсе публичная политика вполне вписывалась в теоретический и идеологический фундамент либеральной демократии, став элементом того, что Роберт Даль называл процедурной демократией. Под процедурной демократией Даль понимал особую организацию процесса принятия решений, при которой тот перестает концентрироваться исключительно вокруг привилегированных кругов и начинает полноценно учитывать интересы граждан, обладающих не меньшим правом высказывать свою точку зрения по поводу общественно значимых вопросов²⁰. Таким образом, тренд на демократизацию политического процесса снизу был подхвачен правящими элитами и превращен в инструмент подготовки, принятия и реализации политических решений. Государство, не меняя в корне организацию политической системы, добавляло и институционализировало в ней механизмы более эффективного учета общественных интересов, что служило одновременно трем целям — повышению качества принимаемых решений, усилению их легитимности и снижению напряженности в обществе. А программы подготовки экспертов по публичной политике, активно внедряющиеся в американских вузах с 1970-х годов, были направлены на то, чтобы получить новую когорту специалистов, способных анализировать проблемные поля, ориентироваться в ожиданиях и требованиях граждан, а также выстраивать диалог между государством и обществом.

²⁰ Dahl 1977:
14—15.

Собственно, диалог между государством и обществом являлся ключевым вопросом и в рамках второй из рассматриваемых традиций.

Однако европейские исследователи изначально исходили из другой посылки. Если в США институционализация публичной политики шла от государства, которое понимало необходимость создания новой инфраструктуры взаимодействия с обществом и учета общественных интересов, то в Европе о необходимости увеличения роли граждан в политике заявляли преимущественно публичные интеллектуалы. Арендт и Хабермас — яркие примеры такого рода интеллектуалов, предлагавших свое видение инклюзивного политического процесса, в основании которого лежит активное гражданское общество. По их убеждению, при принятии решений государство обязательно должно консультироваться с гражданами посредством четко выстроенной коммуникации. При этом данная модель должна работать так, чтобы учитывать максимально возможное число общественных интересов, не замыкаясь на интересах избранных групп. Когда Хабермас говорил, что Евросоюз не должен «скатываться к рынку, поглощенному процессами глобализации», он имел в виду прежде всего растущий разрыв между частными корпоративными интересами и общими интересами граждан²¹.

²¹ Habermas 2001.

В конечном счете оба понимания публичной политики вращались вокруг переосмысления роли государства и государственного управления, выстраивания каналов коммуникации между органами власти и обществом, повышения эффективности и легитимности государственных институтов. Теоретическая и идеологическая разница между ними заключалась преимущественно в различном толковании баланса между органами власти и обществом в политическом процессе.

**Публичная
политика
для России —
в поисках
реалистичных
рамочек**

Когда на рубеже столетий академическое направление публичной политики пришло в Россию, оно, естественно, принесло с собой и те споры по поводу его концептуального наполнения, которые разворачивались на Западе. Российское экспертное сообщество оказалось в ситуации выбора наиболее подходящей модели публичной политики, которая бы адекватно отвечала запросам как со стороны государства, так и со стороны общества и была бы реальным рабочим инструментом, а не очередным модным термином.

В годы активных дискуссий о модернизации и демократизации конца XX — начала XXI в. российские исследователи в большей степени ориентировались на западноевропейскую традицию, выдвигая на первый план гражданское общество в качестве базового субъекта публичной политики и настаивая на отказе от традиционных бюрократических иерархий в государственном управлении в пользу более инклюзивного, открытого и горизонтального диалога при подготовке и принятии решений. Эта установка отчетливо просматривается в работах Красина, Сунгурова, Беляевой, Никовской, Якимца, в исследованиях, проводившихся в научном центре «Стратегия» и НИУ ВШЭ²². Согласно представлениям их авторов, эволюция демократических институтов логично ведет к утверждению переосмысленного социального контракта, в рам-

²² Красин (ред.) 2005; Беляева (ред.) 2005; Сунгуров (ред.) 2008; Никовская и Якимец 2011.

ках которого государство принимает решения «в общественных интересах и с реальным учетом общественного мнения»²³.

²³ Сунгуров 2017:
10.

С позиций сегодняшнего дня подобный подход выглядит чересчур оптимистичным. Слабость гражданского общества, не обладающего необходимыми ресурсами, организованностью и авторитетом в глазах как государства, так и широких слоев населения, не позволяет говорить о хабермасовской модели публичной политики применительно к России. Не случайно многие авторы, долгие годы занимавшиеся данной проблематикой, в итоге пришли к пессимистическим выводам, констатируя, по выражению Соловьева, «закат или даже гибель публичности»²⁴.

²⁴ Соловьев 2021:
200.

Представляется, что изначальные ожидания по поводу развития пространства публичной политики в России действительно были завышенными. Впрочем, не надо думать, что так обстоит дело только в России. В частности, тот же Хабермас в своих последних работах признает, что публичному пространству эпохи цифровизации присущ ряд дисфункций, указывая на снижение качества публичной коммуникации и публичных дебатов и рост уровня конфликтности, следствием чего становятся многочисленные сбои в демократическом управлении²⁵.

²⁵ Habermas 2023:
27.

Идея о том, что граждане встроены в политический процесс наравне с властными структурами, давно вызывает споры. Хотя любая политика (*policy*) позиционирует себя как программа действий в интересах общества, участие последнего в ее формировании зачастую сводится лишь к видимости, в то время как реальные решения принимаются внутри органов государственной власти. При этом даже те модели принятия решений, которые действительно строятся на активных и постоянных консультациях с гражданами (например, плебисцитарная демократия в Швейцарии или в Калифорнии), могут приводить к повышенной конфликтности или неспособности систем быстро реагировать на вызовы²⁶.

²⁶ *The Perils* 2011.

Все вышесказанное вовсе не означает, что в российском контексте публичная политика как концепция, как академическое и практическое направление лишена смысла. Вопрос в том, какое значение мы придаем публичной политике, какова инструментальная ценность этой концептуальной рамки для государства и общества. На деле публичная политика содержит в себе целый ряд важнейших элементов, имеющих прямое отношение к эффективности принятия решений, их легитимности и механизмам согласования интересов.

Публичная политика в России, как и в других странах, должна рассматриваться через призму согласования общественных и государственных интересов как необходимого условия эффективности, легитимности и прозрачности политических решений. В таком ракурсе государство и общество предстают естественными союзниками, ориентированными на решение конкретных общественных задач. Нужно только добиться, чтобы система согласования и продвижения общественных интересов не была оторвана от реальных проблем. Для этого требуется развивать механизмы вовлечения граждан в публичные кон-

сультации, а также повышать прозрачность процесса принятия решений, чтобы граждане могли видеть результат своего участия. Правовая система постепенно обрастает конкретными нормами, регламентирующими соответствующие процессы. Так, в Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 зафиксированы принципы, призванные обеспечить согласованность действий региональных органов государственной власти и местного самоуправления при решении общих задач и приобщение населения к управлению публичными делами²⁷.

²⁷ *Федеральный закон 2021.*

В практическом измерении данные принципы находят отражение, например, в подходах к городскому развитию. Публичная политика является важным элементом управления городом и предполагает реализацию целого ряда норм, направленных на вовлечение граждан в проектирование городских пространств, решение актуальных проблем, связанных с созданием благоприятных условий жизни, адекватное и своевременное преодоление противоречий, возникающих при взаимодействии горожан и местных властей²⁸.

²⁸ *Попова 2022: 5.*

Среди ключевых инструментов вовлечения граждан в такого рода общественно-управленческие проекты особого упоминания заслуживают цифровые платформы. Хотя сегодня в России они получили распространение преимущественно в крупных городах, их потенциал с точки зрения публичной политики бесспорен. И речь идет не только о вопросах городской жизни; цифровые платформы включают в себя электронные консультации, петиции, онлайн-слушания и ряд других форматов. Их преимущество перед традиционной коммуникацией в том, что они упрощают взаимодействие между гражданами и центрами принятия решений, способствуют повышению прозрачности, усилению общественного контроля над деятельностью органов власти. Вместе с тем правы Сунгуров и Дмитрий Аркатов, когда отмечают, что «наше понимание электронного участия остается ограниченным»²⁹. Цифровые платформы пока заметно проигрывают традиционным формам взаимодействия. На сегодняшний день граждане все еще предпочитают личный контакт с представителями власти. По данным опросов, лишь пятая часть россиян готова строить общение с органами власти исключительно в цифровой форме³⁰.

²⁹ *Сунгуров и Аркатов 2021: 54.*

³⁰ *См. Видясова, Видясов и Тензина 2019: 49.*

Цифровые технологии открывают новые возможности для развития публичной политики, но было бы ошибкой видеть в них панацею, способную кардинально повысить качество принимаемых решений и разрешить все возникающие проблемы. Будучи важным технологическим подспорьем, они имеют реальный вес лишь в случае сочетания таких факторов, как политическая активность населения, его цифровая грамотность и готовность органов власти реагировать на поступающие импульсы. Сочетание данных факторов является ключевой предпосылкой развития публичной политики в стране, а какие формы коммуникации будут при этом использоваться — вопрос скорее технический, чем политический.

Но адекватное российскому контексту понимание публичной политики не сводится лишь к поиску инструментов вовлечения граждан в политико-управленческие консультации. Не меньшее значение имеют качественные изменения самого управленческого аппарата. Сегодня растет спрос на управленцев нового типа, способных не только быть проводниками спускаемых сверху решений, но также самостоятельно ставить и решать задачи, связанные с общественным и экономическим развитием, обеспечивать эффективное функционирование задействованных в этом процессе институтов и механизмов согласования интересов³¹.

³¹ См. Мирошниченко и Морозова 2022: 147.

Современные управленцы должны ориентироваться в сложных информационных потоках и разнообразных групповых интересах, которые неизбежно складываются вокруг почти любых принимаемых решений, разбираться в имиджевых вопросах, обладать коммуникативными навыками, необходимыми для выстраивания эффективных каналов взаимодействия как внутри собственных структур, так и с внешними акторами.

Все это требует качественной системы подготовки кадров и их отбора. Именно поэтому университеты, выпускающие экспертов в области публичной политики, находятся сегодня на острие модернизации и повышения эффективности всего политико-управленческого аппарата. Эксперты по публичной политике, которых готовят российские вузы, — это будущие многопрофильные профессионалы, которым предстоит управлять сложными социально-политическими процессами. Они должны понимать суть общественных запросов и участвовать в согласовании разнообразных интересов, быть способными встраиваться в коммуникационные каналы, уметь адекватно оценивать имеющиеся у государства возможности и ресурсы и на этом основании выработать оптимальные решения. Подобные специалисты все еще относительно новое явление на рынке труда. Тем важнее объяснять обществу и государству перспективность и практический смысл данного направления.

Вместо заключения

Публичная политика — это многогранная категория, содержательное наполнение которой варьирует в зависимости от теоретических, управленческих и идеологических ракурсов. Вместе с тем это важнейшее исследовательское направление, которое связано с фундаментальными основами функционирования государства, повышением эффективности государственного управления, гармонизацией интересов государства и общества. Будучи изначально отражением качественных изменений политической жизни и активного включения граждан в политические процессы во второй половине XX в., концептуальная рамка публичной политики помогла исследователям, политикам, бюрократам и гражданам иначе взглянуть на то, каким образом можно выстраивать коммуникацию между государством и обществом, как сделать процесс принятия решений более проблемно ориентированным и приближен-

ным к реальной жизни людей. Думается, что в России, где так много говорят о необходимости повышения качества государственного управления и учета гражданских интересов при выработке государственных решений, публичную политику следует рассматривать как важнейшее теоретическое и практическое направление, требующее тщательного осмысления.

Библиография

Бабинцев В.П., И.Э.Надуткина и В.А.Сапрыка. (2014) «Экспертное сообщество как субъект гражданского участия в регионе» // *Власть*, № 7: 5—9.

Беляева Н.Ю. (2007) «Публичная политика в России: сопротивление среды» // *Полис. Политические исследования*, № 1: 22—32. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2007/1/Polis-2007-1-Belyaeva.pdf> (проверено 20.01.2024).

Беляева Н.Ю., ред. (2005) *Публичная политика в современной России: Субъекты и институты*. М.: ГУ-ВШЭ.

Беляева Н.Ю., ред. (2012) *Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики*. М.: РАПН; РОССПЭН.

Брянцев И.И. и Р.В.Евстифеев. (2020) «Проблемы оценки эффективности институтов государственно-общественного управления (на примере Общественных палат Владимирской и Саратовской областей)» // *Вопросы государственного и муниципального управления*, № 1: 115—136.

Видясова Л.А., Е.Ю.Видясов и Я.Д.Тензина. (2019) «Исследование социального доверия информационным технологиям при предоставлении электронных государственных услуг и использовании порталов электронного участия (кейс Санкт-Петербурга)» // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 5: 43—47. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/14/13> (проверено 20.01.2024).

Гаман-Голутвина О.В., ред. (2008) *Политическое управление и публичная политика XXI века*. М.: РАПН; РОССПЭН.

Данилов Н.Ю., О.Ю.Гуров и Н.Г.Жидков, ред. (2008) *Публичная политика: от теории к практике*. СПб.: Алетейя.

Каневский П.С. (2017) «Социальные размежевания в американском обществе как фактор президентской кампании 2016 г.» // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*, т. 23, № 4: 169—182.

Красин Ю.А., ред. (2005) *Публичная политика в России*. М.: Альпина Бизнес Букс.

Мерсиянова И.В. и Н.В.Иванова. (2018) «Партнерство государства и благотворительных фондов как стратегия повышения ресурсной обеспеченности некоммерческих организаций» // *Вопросы государственного и муниципального управления*, № 1: 29—46.

Мирошниченко И.В. (2014) «Публичная политика как зонтичная концепция политической науки» // *Государственное управление: Электронный вестник*, № 47: 354–376. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2014/vipusk__47._dekabr_2014_g./pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/miroshnichenko.pdf (проверено 20.01.2024).

Мирошниченко И.В. и Е.В.Морозова. (2022) «Публичная политика как пространство конвертации нематериальных ресурсов в факторы развития территорий» // *Политическая наука*, № 3: 144–163. URL: http://inion.ru/site/assets/files/7068/07_miroshnichenko-_morozova.pdf (проверено 20.01.2024).

Никовская Л.И. и В.Н.Якимец. (2011) «Типология публичной политики в российских регионах» // *Социологические исследования*, № 3: 224–235.

Никовская Л.И. и В.Н.Якимец. (2019) «Введение в предметное поле муниципальной публичной политики» // *Социально-политические исследования*, № 4 (5): 36–53.

Попова О.В. (2022) «Институционализация единой системы публичной власти в РФ на уровне городского управления и самоуправления» // *Социально-политические исследования*, № 1 (14): 5–23.

Радиков И.В., ред. (2022) *Трансформации публичной политики в современной России*. М.: РУСАЙНС.

Сморгунов Л.В. (2016) «Взаимодействие государства и бизнеса в России: от лоббирования к корпоративной публичной политике» // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, № 4 (71): 100–104.

Сморгунов Л.В. (2022) «Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой» // *Политическая наука*, № 3: 100–121. URL: http://inion.ru/site/assets/files/7066/05_smorgunov.pdf (проверено 20.01.2024).

Сморгунов Л.В., ред. (2013) *Сетевой анализ публичной политики*. М.: РФ-Пресс.

Сморгунов Л.В., ред. (2015) *Управление публичной политикой*. М.: Аспект Пресс.

Сморгунов Л.В., ред. (2018) *Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие*. М.: Аспект Пресс.

Соловьев А.И. (2021) «Фронтирные зоны публичной политики» // *Политическая наука*, № 3: 183–204. URL: http://inion.ru/site/assets/files/6333/9_solov_ev.pdf (проверено 20.01.2024).

Сунгуров А.Ю. (2017) «Публичная политика: основные направления исследования (мировой и российский опыт)» // *Публичная политика*, № 1: 8–28.

Сунгуров А.Ю. (2022) «Публичная политика: развитие зарубежных и российских исследований» // *Политическая наука*, № 3: 80–99.

URL: http://inion.ru/site/assets/files/7065/04_sungurov.pdf (проверено 20.01.2024).

Сунгуров А.Ю., ред. (2008) *Публичное пространство, гражданское общество и власть: Опыт развития и взаимодействия*. М.: РАПН; РОССПЭН.

Сунгуров А.Ю. и Д.А.Аркатов. (2021) «Об электронном и традиционном общественном участии в современной публичной политике» // *Политическая наука*, № 3: 54—71. URL: http://inion.ru/site/assets/files/6328/4_sungurov-_arkatov.pdf (проверено 20.01.2024).

Трахтенберг А.Д. (2006) «Рунет как „публичная сфера“: хабермасианский идеал и реальность» // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, т. 2, № 2: 163—168.

Устинович Е.С. и Н.В.Сергеев. (2019) «Публичная политика государственной корпорации (на примере ПАО „ФСК ЕЗС“)» // *Социальная политика и социальное партнерство*, № 8: 36—39.

Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/documents/2021/12/27/vlast-dok.html> (проверено 20.12.2023).

Шумпетер Й. (1995) *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика.

Appleby P.H. (1947) «Toward Better Public Administration» // *Public Administration Review*, vol. 7, no. 2: 93—99.

Dahl R. (1977) «On Removing Certain Impediments to Democracy in the United States» // *Political Science Quarterly*, vol. 92, no. 1: 1—20.

Fukuyama F. (2013) «The Decay of American Political Institutions» // *The American Interest*, vol. 9, no. 3. URL: <http://www.the-american-interest.com/2013/12/08/the-decay-of-american-political-institutions/> (accessed on 20.12.2023).

Habermas J. (1996) *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge (MA): MIT Press.

Habermas J. (2001) «Why Europe Needs a Constitution» // *New Left Review*, September/October. URL: <https://newleftreview.org/issues/ii11/articles/jurgen-habermas-why-europe-needs-a-constitution> (accessed on 14.12.2023).

Habermas J. (2023) *A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics*. Cambridge: Polity Press.

Heywood A. (1997) *Politics*. London: Macmillan.

Lerner D. and H.D.Lasswell, eds. (1951) *The Policy Sciences: Recent Developments in Scope and Method*. Stanford: Stanford University Press.

Nelson B. (1998) «Public Policy and Administration: An Overview» // Goodin R.E. and H.-D.Klingemann, eds. *A New Handbook of Political Science*. Oxford: Oxford University Press: 551—592.

«The Perils of Extreme Democracy». (2011) // *The Economist*, 20.04.2011. URL: <https://www.economist.com/leaders/2011/04/20/the-perils-of-extreme-democracy> (accessed on 15.12.2023).

P.S. Kanevskiy
ON VERSATILITY
AND PRACTICAL MEANING
OF PUBLIC POLICY

Pavel S. Kanevskiy — Ph.D. in Political Science; Associate Professor at the Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University. Email: kanevskiy@socio.msu.ru.

Abstract. The article attempts to analyze the main trends in the development of the concept and scientific direction of public policy. Despite the fact that for more than a decade and a half this concept and direction have been actively introduced into Russian scientific circulation and the education system, the discussion about the subject field and practical significance of public policy is far from over. Russia is not homogeneous in its search for the basic meanings of public policy. Within foreign scientific schools there are also various interpretations of this concept, which differ from each other not only from theoretical and methodological, but also from political and ideological points of view.

According to the author, in order to understand the versatility and practical meaning of public policy, one should take into account the socio-political context in which this direction was born and developed. Being originally a product of socio-political and value changes in the second half of the 20th century, the conceptual framework of public policy helped researchers, politicians, bureaucrats and citizens take a different look at how to build communication between the state and society, how to make the decision-making process more problem-oriented and closer to people's real lives. At the same time, the author underscores the lack of a single answer to the questions posed by public policy, highlighting two main traditions in its understanding. The first tradition gives priority to the state and public administration, while the second one focuses on the role of civil society.

Today Russia is in the process of developing its own meanings of public policy that would adequately reflect the needs of the state and society and contribute to building effective communication between them in order to improve the quality of decisions. This article should be considered as a continuation of the corresponding discussion, which is crucial for the Russian scientific community both in theoretical and practical terms.

Keywords: public policy, public sphere, public administration, civil society, political communication

References

- Appleby P.H. (1947) “Toward Better Public Administration” // *Public Administration Review*, vol. 7, no. 2: 93—99.
- Babintsev V.P., I.E.Nadutkina, and V.A.Sapryka. (2014) “Ekspertnoe soobshchestvo kak sub’ekt grazhdanskogo uchastija v regione” [Expert Community as a Subject of Civil Participation in a Region] // *Vlast’* [The Authority], no. 7: 5—9. (In Russ.)
- Belyayeva N.Yu. (2007) “Publichnaja politika v Rossii: soprotivlenie sredy” [Public Policy in Russia: Resistance of the Medium] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], № 1: 22—32. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2007/1/Polis-2007-1-Belyaeva.pdf> (accessed on 20.01.2024). (In Russ.)
- Belyaeva N.Yu., ed. (2005) *Publichnaja politika v sovremennoj Rossii: Sub’ekty i instituty* [Public Policy in Modern Russia: Subjects and Institutions]. Moscow: GU-VShE. (In Russ.)
- Belyaeva N.Yu., ed. (2012) *Analiticheskie soobshchestva v publichnoj politike: global’nyj fenomen i rossijskie praktiki* [Analytical Communities in Public Policy: a Global Phenomenon and Russian Practices]. Moscow: RAPN; ROSSPEN. (In Russ.)
- Bryantsev I.I. and R.V.Evstifeev. (2020) “Problemy otsenki effektivnosti institutov gosudarstvenno-obshchestvennogo upravlenija (na primere Obshchestvennykh palat Vladimirskoj i Saratovskoj oblastej)” [Problems of Evaluating the Effectiveness of the Institutions of State and Society Interaction (The Cases of Regional Public Chambers of the Vladimir and Saratov Regions)] // *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal’nogo upravlenija* [Public Administration Issues], no. 1: 115—136. (In Russ.)
- Dahl R. (1977) “On Removing Certain Impediments to Democracy in the United States” // *Political Science Quarterly*, vol. 92, no. 1: 1—20.
- Danilov N.Yu., O.Yu.Gurov, and N.G.Zhidkov, eds. (2008) *Publichnaja politika: ot teorii k praktike* [Public Policy: From Theory to Practice]. St Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Federal’nyj zakon ot 21 dekabrya 2021 g. No. 414-FZ “Ob obshchikh printsipakh organizatsii publichnoj vlasti v sub’ektakh Rossijskoj Federatsii”* [Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021 “On the General Principles of the Organization of Public Power in the Constituent Entities of the Russian Federation”]. URL: <https://rg.ru/documents/2021/12/27/vlast-dok.html> (accessed on 20.12.2023). (In Russ.)
- Fukuyama F. (2013) “The Decay of American Political Institutions” // *The American Interest*, vol. 9, no. 3. URL: <http://www.the-american-interest.com/2013/12/08/the-decay-of-american-political-institutions/> (accessed on 20.12.2023).
- Gaman-Golutvina O.V., ed. (2008) *Politicheskoe upravlenie i publichnaja politika 21 veka* [Political Management and Public Policy of the 21st Century]. Moscow: RAPN; ROSSPEN. (In Russ.)
- Habermas J. (1996) *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge (MA): MIT Press.

Habermas J. (2001) “Why Europe Needs a Constitution” // *New Left Review*, September/October. URL: <https://newleftreview.org/issues/ii11/articles/jurgen-habermas-why-europe-needs-a-constitution> (accessed on 14.12.2023).

Habermas J. (2023) *A New Structural Transformation of the Public Sphere and Deliberative Politics*. Cambridge: Polity Press.

Heywood A. (1997) *Politics*. London: Macmillan.

Kanevskiy P.S. (2017) “Sotsial’nye razmezhevanija v amerikanskom obshchestve kak faktor prezidentskoj kampanii 2016 g.” [Social Cleavages in the American Society as a Factor of 2016 Presidential Campaign] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18: Sotsiologija i politologija* [Moscow State University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science], no. 4: 169–182. (In Russ.)

Krasin Yu.A., ed. (2005) *Publichnaja politika v Rossii* [Public Policy in Russia]. Moscow: Al’pina Biznes Buks. (In Russ.)

Lerner D. and H.D.Lasswell, eds. (1951) *The Policy Sciences: Recent Developments in Scope and Method*. Stanford: Stanford University Press.

Mersiyanova I.V. and N.V.Ivanova. (2018) “Partnerstvo gosudarstva i blagotvoritel’nykh fondov kak strategija povyshenija resursnoj obespechennosti nekommercheskikh organizatsij” [Partnership of the State and Charitable Foundations as a Strategy for Increasing Resources of Nonprofit Organizations] // *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal’nogo upravlenija* [Public Administration Issues], no. 1: 29–46. (In Russ.)

Miroshnichenko I.V. (2014) “Publichnaja politika kak zontichnaja kontseptsija politicheskoi nauki” [Public Policy as an “Umbrella Concept” of Political Science] // *Gosudarstvennoe upravlenie: Elektronnyj vestnik* [Public Administration: E-Journal], no. 47: 354–376. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2014/vipusk__47._dekabr_2014_g./pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/miroshnichenko.pdf (accessed on 20.01.2024). (In Russ.)

Miroshnichenko I.V. and E.V.Morozova. (2022) “Publichnaja politika kak prostranstvo konvertatsii nematerial’nykh resursov v faktory razvitiya territorij” [Public Policy as a Space for Converting Intangible Resources into Factors of Territorial Development] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 3: 144–163. URL: http://inion.ru/site/assets/files/7068/07_miroshnichenko-_morozova.pdf (accessed on 20.01.2024). (In Russ.)

Nelson B. (1998) “Public Policy and Administration: An Overview” // Goodin R.E. and H.-D.Klingemann, eds. *A New Handbook of Political Science*. Oxford: Oxford University Press: 551–592.

Nikovskaya L.I. and V.N.Yakimets. (2011) “Tipologija publichnoy politiki v rossijskikh regionakh” [Typology of Public Policy in Russian Regions] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 3: 224–235. (In Russ.)

Nikovskaya L.I. and V.N.Yakimets. (2019) “Vvedenie v predmetnoe pole munitsipal’noj publichnoy politiki” [Introduction to the Subject Field of Mu-

nicipal Public Policy] // *Sotsial'no-politicheskie issledovanija* [Social and Political Researches], no. 4 (5): 36–53. (In Russ.)

Popova O.V. (2022) “Institutsionalizatsija edinoj sistemy publichnoj vlasti v RF na urovne gorodskogo upravlenija i samoupravlenija” [Institutionalization of a Unified System of Public Power at the City Level in the Russian Federation] // *Sotsial'no-politicheskie issledovanija* [Social and Political Researches], no. 1 (14): 5–23. (In Russ.)

Radikov I.V., ed. (2022) *Transformatsii publichnoj politiki v sovremennoj Rossii* [Transformations of Public Policy in Modern Russia]. Moscow: RUSAJNS. (In Russ.)

Schumpeter J. (1995) *Kapitalizm, sotsializm i demokratija* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)

Smorgunov L.V. (2016) “Vzaimodejstvie gosudarstva i biznesa v Rossii: ot lobbirovaniya k korporativnoj publichnoj politike” [Interaction between Government and Business in Russia: from Lobbying to Corporate Public Policy] // *Nauka i obrazovanie: khozjajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and Education: Economy and Financial Economy; Entrepreneurship; Law and Management], no. 4 (71): 100–104. (In Russ.)

Smorgunov L.V. (2022) “Sovremennye tendentsii v gosudarstvennom upravlenii: ot novogo gosudarstvennogo menedzhmenta k upravleniju publichnoj politikoj” [Modern Trends in Public Administration: from New Public Management to Governance of Public Policy] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 3: 100–121. URL: http://inion.ru/site/assets/files/7066/05_smorgunov.pdf (accessed on 20.01.2024). (In Russ.)

Smorgunov L.V., ed. (2013) *Setevoj analiz publichnoj politiki* [Network Analysis of Public Policy]. Moscow: RG-Press. (In Russ.)

Smorgunov L.V., ed. (2015) *Upravlenie publichnoj politikoj* [Public Policy Management]. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Smorgunov L.V., ed. (2018) *Publichnaja politika: Instituty, tsifrovizatsija, razvitie* [Public Policy: Institutions, Digitalization, Development]. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Solovyev A.I. (2021) “Frontirnye zony publichnoj politiki” [Frontline Zones of Public Policy] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 3: 183–204. URL: http://inion.ru/site/assets/files/6333/9_solov_ev.pdf (accessed on 20.01.2024). (In Russ.)

Sungurov A.Yu. (2017) “Publichnaja politika: osnovnye napravlenija issledovanija (mirovoj i rossijskij opyt)” [Public Policy: Basic Directions of Research (World and Russian Experience)] // *Publichnaja politika* [Public Policy], no. 1: 8–28. (In Russ.)

Sungurov A.Yu. (2022) “Publichnaja politika: razvitie zarubezhnykh i rossijskikh issledovanij” [Public Policy: Development of World and Russian Research of Public Policy] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 3: 80–99. URL: http://inion.ru/site/assets/files/7065/04_sungurov.pdf (accessed on 20.01.2024). (In Russ.)

Sungurov A.Yu., ed. (2008) *Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obshchestvo i vlast': Opyt razvitiya i vzaimodejstviya* [Public Space, Civil Society and Power: The Experience of Development and Interaction]. Moscow: RAPN; ROSSPEN. (In Russ.)

Sungurov A.Yu. and D.A.Arkato. (2021) “Ob elektronnom i traditsionnom obshchestvennom uchastii v sovremennoj publichnoj politike” [Electronic and Traditional Public Participation in Modern Public Policy] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 3: 54–71. URL: http://inion.ru/site/assets/files/6328/4_sungurov-_arkatov.pdf (accessed on 20.01.2024). (In Russ.)

“The Perils of Extreme Democracy”. (2011) // *The Economist*, 20.04.2011. URL: <https://www.economist.com/leaders/2011/04/20/the-perils-of-extreme-democracy> (accessed on 15.12.2023).

Trakhtenberg A.D. (2006) “Runet kak „publichnaja sfera“: khabermasianskij ideal i real'nost'” [Runet as a “Public Sphere”: Habermasian Ideal and Reality] // *Politicheskaja ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX], vol. 2, no. 2: 163–168. (In Russ.)

Ustinovich E.S. and N.V.Sergeev. (2019) “Publichnaja politika gosudarstvennoj korporatsii (na primere PAO „FSK EZS“)” [Public Policy of a State Corporation (On the Example of Federal Grid Company of Unified Energy System)] // *Sotsial'naja politika i sotsial'noe partnerstvo* [Social Policy and Social Partnership], no. 8: 36–39. (In Russ.)

Vidiasova L.A., E.Yu.Vidiasov, and Ia.D.Tensina. (2019) “Issledovanie sotsial'nogo doverija informatsionnym tekhnologijam pri predostavlenii elektronnykh gosudarstvennykh uslug i ispol'zovanii portalov elektronnoho uchastija (kejs Sankt-Peterburga)” [A Study of Social Trust in Information Technology in the Provision of Electronic Public Services and the Use of Electronic Participation Portals (Case Study of St. Petersburg, Russia)] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], no. 5: 43–47. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/14/13> (accessed on 20.01.2024). (In Russ.)